

ЯЗЫК И ЛИТЕРАТУРА

М. Йовчева

НОВЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В РАЗВИТИИ БОЛГАРСКОЙ ПЕРЕВОДНОЙ И ОРИГИНАЛЬНОЙ ГИМНОГРАФИИ В XIV в.

В XIV в. на Балканах складывается особая культурно-историческая ситуация, которая вызывает кардинальную ревизию болгарской литературной традиции¹, обусловленную взаимодействием трех узловых обстоятельств: 1) осуществлением масштабной литургической и монашеской реформы в связи с введением Иерусалимского (Неосаваитского) типикона²; 2) утверждением идеи о культурном и литургическом единении с Византией, приведшей не только к проникновению наиболее актуальных византийских литературных и книжных моделей, но и к максимальной грецизации болгарского литературного языка; 3) большим влиянием исихазма в качестве культурной и религиозной идеологии³. Характер данной эпохи требует скорее всего интерпретации процессов в контексте общей культурной истории Балкан, так как они относимы ко всему славянскому православному миру, объединяя на основе многих аспектов болгарскую, сербскую и славяно-румынскую книжности и одновременно с этим широко распространяясь и на русской почве. Однако, учитывая тот факт, что в силу ряда предпосылок начальный этап рассматриваемых явлений в славянской среде сложился именно в Болгарии, выводы построены в основном на фактах болгарской литературы.

В самой большой степени перечисленные новшества сказываются на болгарской литургической книжности, и в частности на оригинальной и переводной гимнографии. Специфические для данного столетия инновации в гимнографии касаются как макротекстовых, так и микротекстовых уровней. С точки зрения макрожанров вырисовываются три тенденции.

Во-первых, закрепляется более развернутая (трехдольная) композиция службы (малая вечерня, великая вечерня и утреня), связанная с требованиями Иерусалимского типикона⁴. Путем

¹ Обобщение фактов данной эпохи и библиографический обзор см.: Милтенова А. Литературата през XIV век. Книжовни средища // История на българската средновековна литература. София, 2008. С. 499–504; Гагова Н. Държавна и културна политика. Цар Иван Александър като покровител на книжнината // История на българската средновековна литература. С. 505–510.

² Об Афонской реформе см.: Йовчева М., Тасева Л. Атонската книжовна реформа // История на българската средновековна литература. С. 510–519, и цитируемую там библиографию.

³ Огромную литературу об исихазме и его отражении в культурной жизни Восточной Европы невозможно привести здесь. См. важные исследования: Прохоров Г. М. Исихазм и общественная жизнь в Восточной Европе в XIV в. // ТОДРЛ. Л., 1968. Т. 23. С. 86–108; Мейендорф Дж. О византийском исихазме и его роли в культурном и историческом развитии Восточной Европы в XIV в. // ТОДРЛ. Л., 1974. Т. 29. С. 294–305; Meyendorff J. Mount Athos in the 14th Century: **Spiritual and Intellectual Legacy** // *Dumbarton Oak Papers*. 1988. 42. С. 157–165; Хоруженко С. Исихазм. Аннотированная библиография. М., 2004. Обобщение фактов и библиографический обзор см.: Ангушева А. Исихазъм и исихастка реформа. Нови идейно-тематични и естетически акценти в литературната продукция // История на българската средновековна литература. С. 519–534.

⁴ Кожухаров С. Търновската книжовна школа и развитието на химничната поезия в старата българска литература // Търновска книжовна школа. Велико Търново, 1974. Т. 1. С. 293–300.

включения новых гимнических компонентов нарастает объем гимнографических последований Минеи, Октоиха и Триоди, а также Службника и Требника.

Во-вторых, сочетание в гимнографической композиции большого количества элементов ускоряет процесс утверждения богослужебных коллекций с текстами различного типа для одной и той же службы. Корни этого процесса уходят еще в XIII в., но в связи с осложнением последований как раз в XIV столетии наблюдается кодификация сборников, в которых упорядочены разнородные элементы, формирующие литургическую целостность в богослужебной практике (это гимнография, библейские, агиографические и гомилетические чтения, некоторые последования из Евхология). В минеи и триоди вливаются полные чинопоследования на Богоявление и Пятидесятницу (бытовавшие до тех пор преимущественно в требниках), паримийные и проложные чтения, триодные синаксари, которые занимают свои литургические позиции. С другой стороны, увеличивается доля гимнического репертуара (служб, канонов, циклов песнопений) в службниках и требниках. Хотя данный процесс объединения различных литургических текстов имеет исключения, он постепенно приводит к упрочению жанрово неоднородных богослужебных книг и устранению из обихода архаических сборников гомогенного состава, таких как Паримийник, Изборный октоих или Октоих только с канонами⁵.

В-третьих, специального внимания заслуживает распространение такой эмблематической для рассматриваемой эпохи гибридной формы, как Параклис, представляющий собой службу (также канон или цикл стихир) молебного (умилительного), покаянного или благодарственного содержания⁶. Он применяется не только для литургического, но и для внелитургического употребления, о чем можно судить также по заглавиям некоторых разновидностей молебных циклов или канонов, например: «Канон певаемый по все дни монахом», «Стихиры молебные к Пречистой Богородице... певаемые егда хочешь»⁷. Своими функциями параклисы выходят за рамки календарного цикла и причисляются к более широкой сфере чтений, не ограниченных по времени и месту исполнения и предназначенных для различных индивидуальных или коллективных потребностей⁸. Таким образом, они иллюстрируют с функциональной точки зрения интеграцию жанров средневековой литературы, которая уже была продемонстрирована исследователями на основе сближения между агиографией (житием) и риторикой (похвальным словом)⁹ в качестве одного из важнейших литературных явлений данной эпохи. Интенсивному проникновению композиций данного типа после середины XIV в. способствует прежде всего их применение для келейного монашеского чтения, но катализирующее влияние оказали и другие факторы. Своим молебным и покаянным содержанием (иногда доходящим до так называемого плача) эти песнопения отвечают требованиям сложившейся индивидуальной молитвенной практики XIV в. в связи с исихастским

⁵ Тасева Л. Непознати евангелски хомилии в южнославянски триоди от XIV–XVII век // *Palaeobulgarica*. Sofia, 2002. Год. 26/4. С. 3; Тасева Л., Йовчева М. Книга на пророк Иезекиил (= Старобългарският превод на Стария завет. Т. 2). София, 2003. С. 46–49; Афанасьева Т. Молитвы Коленопреклонения в Пятидесятницу в славянских службниках XI–XVI в. // *Palaeobulgarica*. Sofia, 2003. Год. 27/4. С. 16, 18–19; Йовчева М. Новоизводният славянски Октоих по най-ранния препис в кодексите № 19 и 20 от манастира «Св. Екатерина» в Синай // *Преводите през XIV столетие на Балканите*. София, 2004. С. 205–234.

⁶ Койчева Р. Параклис // *Старобългарска литература*. Енциклопедичен речник. София, 2003. С. 351.

⁷ Иванова К. Български, сръбски и молдо-влахийски кирилски ръкописи в сбирката на М. П. Погодин. София, 1981. С. 50; Матеич П. Българският химнописец Ефрем от XIV век. Дело и значение. София, 1982. С. 93; Кожухаров С. Проблеми на старобългарската поезия. София, 2004. С. 146.

⁸ Кожухаров С. Търновската книжовна школа и развитието на химничната поезия в старата българска литература. С. 293–300; Матеич П. Българският химнописец Ефрем от XIV век. С. 51–72; Кожухаров С. Проблеми на старобългарската поезия. С. 140–141, 146–147, 172–173.

⁹ Иванова К. Патриарх Евтимий и агиографската традиция в средновековната литература (650 години от рождението му) // *Литературна мисъл*. София, 1977. Кн. 21/10. С. 90–99; Станчев К. Евтимиевата школа в контекста на европейското духовно развитие // *Старобългарска литература*. София, 1982. Кн. 11. С. 10–12; Измирлиева В. Жанрови трансформации в агиографската проза на Патриарх Евтимий. Връзката увод — жанрова концепция // *Старобългарска литература*. София, 1990. Кн. 23–24. С. 13–33.

пониманием значения уединенной молитвы как единственного способа мистического богопознания, являясь в то же время и адекватным художественным и литургическим отголоском трагических событий в судьбе балканских народов.

Сформировавшийся на славянской почве параклитический репертуар, хотя и содержащий некоторые тексты из существовавших переводов, в своей основной части составлен из значимых для исихастов произведений современных им византийских писателей, таких как патриарх Филофей Коккин, Григорий Синаит, Никифор Каллист Ксанфопул, которые являются образцами самой высокой, украшенной поэзии данной эпохи¹⁰. К гимнографическим составам для келейного употребления принадлежат также другие вновь переведенные коллекции, как, например, аскетическое последование афонского монаха Иоанна Фикары (XI в.) — собрание гимнографических и молитвенных текстов, по своей организации следующее распределению материала в Часослове и таким образом сводящее официальный порядок богослужения к индивидуальной уединенной практике. Известны два южнославянских перевода данного памятника, при этом для одного из них предполагается святогорское происхождение¹¹.

Параклитические песнопения и молитвы распространяются как часть требников, служебников или становятся ядром для формирования новых монашеских сборников неустойчивого содержания, пользовавшихся большой популярностью после XIV в. В результате широкого проникновения молебных гимнографических текстов в требники и служебники был обновлен состав и структура их чинопоследований и вытеснен ряд архаических молитв, бытовавших на славянской почве с древнейшей эпохи. Обособление параклитических текстов в качестве самостоятельных коллекций привело к появлению незнакомого до тех пор типа сборника (Параклитика, Молебника; в русской традиции он закрепился также под названием Канонник)¹². Путем включения большого массива молебных служб или канонов в Псалтырь формируется и ее новая версия, содержащая пространную гимнографическую часть¹³.

Распространение сборников с гимнами преимущественно молебного содержания, с одной стороны, приводит к изменениям в жанровой структуре репертуара, предназначенного для самостоятельного монашеского употребления, причем гимнографические тексты стали столь же неотъемлемой частью корпуса чтений, как и традиционные произведения собственно монашеской литературы. С другой стороны, оно превращается в один из главных катализаторов для популяризации новых или обновленных культов Второго болгарского царства (как, например, св. Параскевы-Петки, св. Ивана Рыльского, а в западных землях — св. Климента Охридского и Наума Охридского) на балканских землях.

Изменившаяся культурно-историческая ситуация обуславливает также новые приоритеты в мотивации оригинального гимнотворчества, причем для тырновских писателей доминирующей становится цель актуализовать согласно новым идейным, композиционным и эстетическим нормам службы святым — покровителям болгарской столицы (в первую очередь, св. Петке и императрице Феофане) — тенденция, которая выявлена и на основе агиографических и панегирических

¹⁰ Прохоров Г. М. К истории литургической поэзии: гимны и молитвы патриарха Филофея Коккина // ТОДРЛ. Л., 1972. Т. 27. С. 121–149; Матеич П. Българският химнописец Ефрем от XIV век. С. 51–52; Кожухаров С. Проблеми на старобългарската поезия. С. 146–147; Суботин-Голубовић Т. Химнографски састави Филотеја Коккина у хиландарским рукописима // Хиландарски зборник. Београд, 2004. Т. 11. С. 247–272.

¹¹ О происхождении и распространении этой коллекции в византийской и славянской среде см.: Ivanova-Sullivan T. *Lexical variation in the Slavonic Thekara texts: semantic and pragmatic factors in medieval translation praxis*. Dissertation. The Ohio State University, 2005. URL: http://www.ohiolink.edu/etd/view.cgi?acc_num=osu1124287659.

¹² К сожалению, за незначительными исключениями, эти коллекции остаются до сих пор не объявленными в научной литературе; об их содержании можно судить только по тем каталогам, в которых находится постатейное описание сборников, см., например: Иванова К. Български, сръбски и молдо-влахийски кирилски ръкописи. С. 44–53, 59–67.

¹³ Древнейший представитель — Шопова, или Карадимова, псалтырь (НБКМ 454 + НБКМ 1138); в проникновении этого состава на Русь особые заслуги приписываются митрополиту Киприану, ввиду того, что именно такая версия книги представлена в так называемой Киприановской псалтыри.

произведений¹⁴. Творчество писателей-исихастов характеризуется стремлением к кардинальной переоценке унаследованных моделей вообще: так, например, не только в житийно-панегирических, но и в своих гимнографических произведениях Евфимий Тырновский подвергает основной идейной и стилистической обработке и композиционному осложнению унаследованные болгарской или византийской традицией темы. Чтобы выразить словесными формами церковного ритуала созданную в кружке Евфимия программу об утверждении стройной религиозно-политической идеологии царской и церковной властей в Болгарии, гимнографы XIV столетия обращаются прежде всего к культам тырновского пантеона, моделируя их службы в соответствии с актуальными приоритетами эпохи¹⁵. В связи с этим совершенно изменяется механизм создания оригинальных гимнографических произведений по сравнению с предыдущими веками развития болгарской литургической поэзии. Если в XIII в., когда новые культы св. Параскевы-Петки, преп. Филофеи Темницкой, св. Михаила Воина были освоены после перенесения в Тырново их мощей болгарскими владельцами в качестве победного трофея, для их чествования адаптировали в основном без особой обработки переводные греческие песнопения (или тому же самому святому, если такие существуют, или другие памяти сходной типологии)¹⁶, то для XIV в. подобное некритическое отношение к существовавшим текстам уже немислимо. В содержательном отношении новые параметры культов складываются из двух главных аспектов: проведения исихастской концепции о праведности и выдвижения на передний план идеи о божественном покровительстве столичного города и властвующих в нем царей. Предпочтительным типом является святость преподобничества, и скорее всего отшельничества, поскольку она предоставляет широкие возможности для интерпретации в духе исихазма. Только позднее Григорий Цамблак под влиянием совершенно изменившейся исторической ситуации возвращается к классической для Византии мученической праведности, обогащая, однако, традиционную раннехристианскую модель элементами нового понимания мученичества как жертвы во имя сохранения православной веры (см. Житие и Службу Иоанну Новому Сучавскому).

Тексты служб «тырновским» святым, с одной стороны, насыщаются узловыми для исихастского восприятия эпизодами: видением, молитвенным уединением, цитатами и рефлексиями, отсылающими к идее о святых как о Христовых невестах. Инновацией по отношению к языковой образности является акцентирование на топосах, связанных с видением и озарением неведущего света¹⁷. В Службе св. Параскевы-Петке неоднократно звучит мотив видения как одного из основных способов мистического богопознания: «радуешься в добродетелях, в видениях и в деяниях упражняешься» (вечерняя стихира), «на лестницу своих видений и деяний ты вознеслась» (вечерняя стихира), «воздержанием и постничеством, деянием и видением в жительство вышнее ты переселилась» (седален)¹⁸. С другой стороны, как раз в произведениях Евфимия Тырновского самым непосредственным образом выражается мысль о божественном покровительстве царской власти, причем одним из основных параметров культов св. Параскевы-Петки и св. Феофаны пред-

¹⁴ См., например: Прохоров Г. М. Исихазм и общественная жизнь в Восточной Европе в XIV в. С. 92; Станчев К. Евтимиевата школа в контекста на европейското духовно развитие. С. 10–12; Ангушева А. Преосмисляне на традицията // История на българската средновековна литература. С. 531–532.

¹⁵ Ангушева А. Промени в образите на светците // История на българската средновековна литература. С. 522–531.

¹⁶ Добрев И. Свети Иван Рилски. I. (= *Altbulgarische Studien. Beiträge zur Kultur-, Literatur-, Sprach-, und Kunstgeschichte Bulgariens*. Bd. 5). Linz, 2007; Йовчева М. Оригинална славянска творба ли е Службата за св. Михаил Воин? // XXXIV научна конференция на XL меѓународен семинар за македонски јазик, литература и култура (Охрид 13.–30.VIII.2007). Лингвистика. Скопје, 2008. С. 183–197.

¹⁷ См. Кожухаров С. Проблеми на старобългарската поезия. С. 120.

¹⁸ Службы св. Параскевы-Петке и императрице Феофаны исследованы по изданиям: Сырку П. Евфимия патриарха Тырновского служба преподобной царице Теофане. По рукописи XIV века Хилендарского монастыря на Афоне. Сообщил П. Сырку. СПб., 1900; Kalužniacki E. Werke des Patriarchen von Bulgarien Euthymius (1375–1393). Wien, 1901. S. 255–277; Иванова Кл. Србска редакција на Службата за императрица Теофана // Археографски прилози. Београд, 1989. Кн. 10–11. С. 83–106; Кожухаров С. Проблеми на старобългарската поезия. С. 124–139.

ставляется их роль как покровительниц Тырново и его царей¹⁹. Многократное упоминание о раках с их мощами и о построенных специально для них храмах (в каноне, стихирах, полиелейных припевах) свидетельствует о большом распространении их почитания, что придавало божественную мотивацию столице Второго болгарского царства. Славы, кондак и полиелейные припевы изобилуют такими выражениями, как «избавление божественное тебе Тырновград унаследовал, преподобная», «помагаешь царям, сохраняешь свой город», «дай своему городу дерзновенную силу, а его царю даруй венец, пребывающий с ним в веках». Не является случайным тот факт, что службы патриарха Евфимия (регулярные и параклисы), судя по их тематической и функциональной направленности и формальным чертам, предназначены для исполнения перед мирской (светской) аудиторией и духовным клиром в тырновских храмах, а не для уединенных келейных монашеских монологов. Стремлением моделировать культы покровителей державности отличается и деятельность Григория Цамблака, который создал житийные и гимнографические тексты, посвященные Иоанну Сучавскому (Белгородскому) в Молдавии и сербскому королю Стефану Дечанскому (во время его пребывания в качестве игумена Дечанского монастыря в Сербии).

Как важную инновацию данной эпохи в семантическом плане можно обособить также сильное присутствие в литургической поэзии царских персонажей и «царской» темы вообще. В принципе она почти незнакома болгарской гимнографии предыдущих периодов, если не считать Службы царю Петру, в которой, однако, царские мотивы слабо заметны²⁰. Известно, что в своем агиографическом и гимнографическом творчестве как патриарх Евфимий, так и Григорий Цамбак вводят царских персонажей (первый создал службу императрице Феофане, а второй — сербскому королю Стефану Дечанскому), иллюстрирующих представление о благочестивом владетеле. Приблизительно к концу столетия создана и Молебная служба царю гимнописца Ефрема²¹, являющаяся единственным известным болгарским представителем этого специфического для Византии композиционного типа, активно применяемого в роковые времена войны, вражеских набегов.

В области формальных приемов имеется ряд новшеств, свидетельствующих об определенном замысле, подчиненном изменившейся интерпретации культов. Среди них нужно обратить внимание на применение редких структурных и мелодических элементов. В службах св. Петке и императрице Феофане помещены полиелейные припевы, рекомендуемые церковным Уставом на важнейшие христианские праздники, а в качестве ритмомелодических моделей выбраны специальные более экспрессивные параллели, ранее не используемые²². Для кондаков, например, это самый высокий образец — Богородичный акафист, в котором в высшей степени выражена идея покровительства Божьей матери Царскому городу. Таким образом, литургическая реализация культа тырновских святых (и прежде всего св. Параскевы-Петки) ставит своей целью провести функциональную параллель с градозащитным культом св. Богородицы как заступницы самого первого из царских городов — Константинополя²³. Структура песнопений, исполняемых самым торжественным образом, — кондаков и стихир «на славу» — построена на нетрадиционных для византийской гимнической поэзии приемах. Кондак св. Петке и две из стихир императрице Феофане основаны на монологе от имени самого Тырновграда²⁴. Как показало исследование Э. Миневой, персонификация города (метрополиса), который обращается к своему святому-покровителю с просьбой о защите и спасении, принадлежит к самому актуальному стилистическому

¹⁹ Билярски И. Покровители на Царството. Св. цар Петър и св. Параскева-Петка. София, 2004. С. 50–94.

²⁰ Чешмеджиев Д. Култът към цар Петър I (927–965): манастирски или държавен? // Лубав према образование и вера у Бога у православним манастирима. 5. Меѓународна Хиландарска конференција. Зборник изабраних радова. Књ. 1. Београд-Columbus, 2006. С. 245–257; Билярски И., Йовчева М. За датата на Успението на цар Петър и за култа към него // ТАНГРА. Сборник в чест на 70-годишнината на акад. В. Гюзелев. София, 2006. С. 543–557.

²¹ Матич П. Българският химнописец Ефрем от XIV век. С. 41–43, 58–65.

²² Кожухаров С. Проблеми на старобългарската поезия. С. 28–29, 118.

²³ Билярски И. Покровители на Царството. С. 43–105.

²⁴ Кожухаров С. Проблеми на старобългарската поезия. С. 141.

инвентарю византийской гимнографии второй половины XIV — начала XV в., когда драматизм эпохи находит выражение в введении монологов от имени Константинополя и Солуни²⁵.

В поисках более совершенных форм актуализируются и фразовые акростиhi, которые в XIII в. перестали употребляться болгарскими гимнописцами. Григорию Цамблаку принадлежит введение весьма распространенного в византийской поэзии двойного акростиha, состоящего из фразы в тропарях святому и имени автора в богородичных тропарях. В созвучие со стилистическими приоритетами эпохи словесной орнаментацией украшаются и сами акростиховые фразы²⁶. Они построены на основе плеонастических выражений (особенно атрибутов к имени автора, например «нищий», «окаянный», «многострадальный», «недостойный», и к воспеваемому святому). Творческий акт (и соответственно жанровая характеристика произведения) представлен аналитическим способом: «плету, сплетаю песни», «приношу хвалу», «приношу дар-песнь», «прими моление» (для сравнения, в древнеславянских акростихах он выражается простым предикатом «пою», «воспеваю», «хваляю», «славлю»). Осложнению такого рода подвергаются прежде всего акростиhi в молебных канонах и стихирах, предназначенных преимущественно для самостоятельного чтения и поэтому не ограниченных литургическим применением песнопений по отношению к составу (они могут состоять из большого количества строф). Иллюстративным примером здесь могут послужить произведения гимнописца Ефрема — в цикле молебных стихир к Господу акростиhi охватывает 44 строфы и звучит так: «Прими меня, Спасе, меня, много согрешившего перед тобою и кающегося Ефрема», а в его цикле молебных стихир к св. Богородице, содержащем 93 строфы с акростихом и 8 вне акростиha, читается фраза: «Моление прими, о воспеваемая Дево, Божия мать Мария, окаянного и многострадального Ефрема, люто бедствующего и недоразумевающего»²⁷.

В XIV в. намечаются и некоторые новые черты в гимнографической образности, иллюстрирующие стремление писателей найти более адекватные средства для выражения огромного трагизма эпохи²⁸. Хотя столкновение между православной верой и исламом все еще не выявлено так отчетливо в произведениях словесного искусства и не превратилось в основную тему болгарской литературы (данный перелом произошел только в XVI в. с появлением житий и служб софийским мученикам св. Георгию Новому и св. Николаю Новому), все же наблюдаются первые попытки изменения стандартных устойчивых формул средневековой литературы, чтобы они соответствовали новой исторической обстановке. Во второй половине столетия в одну из самых актуальных поэтических фигур в византийской, и соответственно в болгарской, гимнографии превращается отождествление грехов с библейскими нечистыми племенами (агарянами, эфиопами и измаильянами). Например, в Молебной службе св. Параскеве инока Макария читается: «от агарян наших мыслей и чувств свободы нас» (2-й тропарь 3-й песни), «понеже оружие наостри лютый аравалянин истерзать смиренную мою душу» (1-й тропарь 9-й песни), «напасти мысленных эфиоплян вскоре прогоняй» (2-й тропарь 9-й песни)²⁹. К концу XIV — началу XV века эта абстрактная персонификация уступает место более прямым выражениям наступившей беды в судьбе балканских народов. В Молебном каноне царю гимнописца Ефрема троекратно упоминаются набеги измаильянских людей (в 3-м тропаре 4-й песни, 3-м тропаре 7-й песни, 2-м тропаре 9-й песни) и отправляется моление к Господу «огородить» ненасытную пасть Измаиля, который «широко открыл ее ныня

²⁵ Этот прием использован в поэтических произведениях византийских современников патриарха Евфимия — Симеона Солунского и Марка Евгеника, см.: *Минева Е.* Някои общи мотиви във византийската и южнославянската химнография от XIV—XV в. // *Византия. Балканите. Европа* (= *Studia Balcanica*, 25). София, 2006. С. 488—493.

²⁶ В этом отношении весьма иллюстративным является Житие Стефана Лазаревича, написанное Константином Костенечким, в котором акростиhi крайне осложнены.

²⁷ *Матеич П.* Българският химнописец Ефрем от XIV век. С. 50, 66—67.

²⁸ См.: *Velinova V.* Il cristianesimo e l'islam — conflitto e coesistenza (su materiale dai testi letterari medioevali dal '400 al '600) // *Atti del Convegno internazionale «Integrazione, assimilazione, esclusione e reazione etnica»* (23—26 Novembre, Venezia). Venezia (в печати).

²⁹ Параклис исследован по изд.: *Кожухаров С.* Проблеми на старобългарската поезия. С. 149—153.

поглотить его стадо»³⁰. В тропарях Канона Стефану Дечанскому Григорий Цамблак обращается к сербскому святому с просьбой положить агарянских чад «под ногам верных господинов наших» (2-й тропарь 8-й песни), низложить безбожных измаильтянов, «спешащих как звери поглотить твой народ» (3-й тропарь 8-й песни)³¹. Значительный рост упомянутых этнонимов в качестве элемента (с негативной коннотацией) художественных фигур свидетельствует о тенденции приспособить язык гимнографии к сложившейся ситуации, вместить колоссальную коллизию эпохи в традиционную художественную образность средневековой литературы³².

Языковой облик славянских гимнографических текстов полностью изменяется под влиянием двух основных факторов. Во-первых, важную роль играет тенденция к сложному, плеонастическому построению текста в синхроне с требованиями нового высокого стиля *плетения словес*³³. Здесь нужно уточнить, что в принципе в стилистическом инвентаре песенной поэзии в самой высокой степени содержатся те модели, которые являются основными элементами данного стиля, но в XIV в. их использование уже подчиняется новым схемам с целью постичь многослойность образов и плеоназм, как, например, аллитерации, концентрация композитов и однотипных фраз (безглагольных или причастных оборотов, предложений без подлежащего), крайне осложненные синтаксические конструкции, особые семантические повторения, основанные на дублировании родственных лексем в неконтактной позиции³⁴. Во-вторых, в результате доминирования переводческой концепции о формально-структурной эквивалентности между греческим оригиналом и славянским переводом³⁵ в максимальной степени воспроизводится усложненный язык византийской поэзии, и вообще язык произведений эпохи Палеологов, отличающийся стремлением к реставраторству и стилистическому совершенству³⁶. В этом аспекте не лишено оснований мнение, что благодаря грецизации и меньшей доле употребления регионализмов именно болгарские, а не сербские редакции и переводы литургических книг вообще³⁷ получили широкое распространение в балканских и восточнославянских землях и стали основополагающими источниками для церковно-славянских изданий на Руси.

Гимнографическое наследие Тырновской школы XIV в. составляет основу мощной традиции, развивающейся в славянской и неславянской среде веками после того, как столица Второго болгарского царства потеряла свой царский блеск³⁸. Оригинальное и переводное гимнотворчество

³⁰ Канон исследован по изд.: *Матеич П.* Българският химнописец Ефрем от XIV век. С. 114–123.

³¹ Служба исследована по изд.: *Кожухаров С.* Проблеми на старобългарската поезия. С. 213–224.

³² См.: *Velinova V.* Il cristianesimo e l'islam — conflitto e coesistenza.

³³ Обобщение фактов и библиографический обзор по вопросам *плетения словес* см.: *Ангушева А.* Нови идейно-тематични и естетически акценти в литературната продукция // История на българската средновековна литература. С. 532–534.

³⁴ *Трифуновић Ђ.* Особености књижевног поступка и стила у Цамблаковим службама Светог Јовану Новог и Светог Стефану Дечанског // Зборник за славистику. К. 9. Београд, 1975. С. 68–79; *Матеич П.* Българският химнописец Ефрем от XIV век. С. 72–81; в этом аспекте особого внимания заслуживают интересные наблюдения и выводы *И. Добрева*, см.: *Добрев И.* Българският език. София, 2005. С. 159–161, 209–213.

³⁵ О языке переводов XIV в. см. обзор и библиографию: *Тасева Л.* Езикът на книжнината през XIV век // История на българската средновековна литература. С. 569–574.

³⁶ *Станчев К.* Евтимиевата школа в контекста на европейското духовно развитие. С. 11–12.

³⁷ *Иванова Кл.* Някои моменти на българо-византийските литературни връзки през XIV в. (Исихазмът и неговото проникване в България) // Старобългарска литература. София, 1971. Кн. 1. С. 239–240; *Добрев И.* Българският език. С. 158; *Пентковская Т. В.* Иерусалимский устав в рукописи из коллекции П. Фекулы (Fekula-VI) // Вереница литер. К 60-летию В. М. Живова. М., 2006. С. 147–174.

³⁸ См. фундаментальные исследования: *Дмитриев Л. В.* Роль и значение митрополита Киприана в истории древнерусской литературы (к русско-болгарским литературным связям XIV–XV вв.) // ТОДРЛ. М.; Л., 1963. Т. 19. С. 215–254; *Лихачев Д. С.* Некоторые задачи изучения второго южнославянского влияния в России. М., 1958; *Его же.* Стилът на Тырновската литературна школа и неговото значение за развитието на староруската литература // Език и литература. София, 1976. Кн. 5. С. 9–26; *Его же.* «Переодоление слова» в стиле «плетение словес» и историко-литературное значение этого явления // Тырновска книжовна школа. София, 1980. Т. 2. С. 9–25; *Пиккио Р.* «Плетение словес» и литературните стилове на православните славяни в епохата на късното Средновековие // Православното славянство и старобългарската културна традиция. София, 1993. С. 531–560; *Турилов А. А.* Восточнославянская книжная культура конца XIV–XV в. и «Второе южнославянское влияние» // Древнерусское искусство. Сергей Радонежский и художественная культура Москвы XIV–XV в. СПб., 1998.

тырновских писателей создает авторитетные содержательные и формальные образцы для поздних болгарских, русских и сербских гимнописцев. Песнопения циклов, посвященных св. Петке и царице Теофане, разветвляются среди балканских народов на несколько вековых традиций и регистрируются в списках болгарского, сербского и влахо-молдавского происхождения с XIV до XVIII в.³⁹ Возникшие в Тырновском книжном центре гимнографические составы распространяются в балканских и восточнославянских землях, и как раз в них уходят корни употребляемого до сих пор Болгарской и Русской церквями гимнографического корпуса.

С. 321–337; *Дончева-Панайотова Н.* Григорий Цамблак и болгарските литературни традиции в Източна Европа. Велико Търново, 2004; *Турилов А. А.* Критерии определения славяно-молдавских рукописей XV–XVI в. // Хризограф. М., 2005. Кн. 2. С. 139–168; обобщение и библиографический обзор см.: *Гагова Н.* Българо-сръбски книжовни връзки // История на българската средновековна литература. С. 667–675; *Милтенова А., Йовчева М.* Българо-руски книжовни връзки. «Второ южнославянско влияние» // История на българската средновековна литература. С. 676–682.

³⁹ *Сырку П.* Несколько заметок о двух произведениях патриарха Евфимия Тырновского // Сборник статей по славяноведению, составленный и изданный учениками В. И. Ламанского. СПб., 1883. С. 380–401; *Иванова Кл.* Сръбска редакция на Службата за императрица Теофана. С. 83–106; *Суботин-Голубовић Т.* Београдски препис Ефтимиеве службе царици Теофано // Словенско средновековно наслеђе. Зборник посвећен професору Ђ. Трифуновићу. Београд, 2002. С. 617–635; *Кожухаров С.* Проблеми на старобългарската поезия. С. 109–116, 120–123; *Минева Е.* Пет химнографски творби за св. Петка Търновска. София, 2005; *Суботин-Голубовић Т.* Утицај преноса моштију св. Петке у Деспотовину на развој њеног култа у српској средини // България и Сърбия в контекста на византийската цивилизация. София, 2005. С. 343–452; *Станкова Р.* Служби за света Петка в български и сръбски ръкописи от XIII до XV век // Археографски прилози. Београд, 2007. Кн. 28. С. 105–122; *Радославова Д.* Службата за преподобна Петка в българските ръкописи от XVII век // Християнска агиология и народни вярвания. София, 2008. С. 123–133; *Станкова Р.* Видинска служба за св. Петка Търновска // Християнска агиология и народни вярвания. София, 2008. С. 105–122; *Чешмеджиев Д.* Митрополит Киприан и култовете на българските светци // Studi Slavistici. Firenze, 2008. Т. 5. S. 15–30.

